

26. *Cherkhava O. O.* Reconstruction of theolinguistic matrix of religious popular discourse (based on English, German and Ukrainian languages) [Electronic resource] / O. O. Cherkhava. – Mode of Access : <http://scaspee.com/6/post/2015/03/reconstruction-of-theolinguistic-matrix-of-religious-popular-discoursebased-on-the-english-germanand-ukrainian-languages-cherkhava-o.html>
27. *Kurylowicz J.* On the Methods of Internal Reconstruction, см. Preprints of Papers for the Ninth International Congress of Linguists / Jerzy Kurylowicz. – Cambridge : Mass., 1962. – P. 469–490.
28. *Labov W.* Principles of Linguistic Change / William Labov. – Oxford : Blackwell, 2001. – Volume II : Social Factors. – 592 p.
29. *Lowe J. & Mazaudon M.* The reconstruction engine: a computer implementation of the comparative method [Electronic Resource] / J. Lowe, M. Mazaudon. – Mode of Access : <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-00311507>

Черхава О. О. Методики выполнения семантической реконструкции в структурализме и когнитивной лингвистике.

В статье рассматриваются различные методы анализа семантической структуры лексики, которые разрабатывались в эпоху структурализма, а в когнитивной лингвистике нашли свою широкую апробацию, в частности, матричная реконструкция семантических отношений между словами, которая предусматривает выполнение таких процедур, как компонентный анализ значения слова с привлечением этимологического, семантико-мотивационного и концептуального анализов и способствуют выявлению семантических источников слов определенного языка, раскрытию их семантической первоосновы и восстановлению реликтового характера.

Ключевые слова: семантическая реконструкция, матричная реконструкция, методика компонентного анализа слова, этимологический анализ, семантико-мотивационная реконструкция.

Cherkhava O. O. Methods of semantic reconstruction in structuralism and cognitive linguistics.

The article deals with the various methods of lexical semantic structure analysis that were developed at the period of structuralism and practiced in cognitive linguistics, in particular as matrix reconstruction of semantic sequences among words. It presupposes the following procedures: component analysis of words meaning with the involvement of etymologic, semantic-motivational and conceptual analysis that promote to present the semantic words source of particular language, disclosing its semantic principium and their relict character.

Keywords: semantic reconstruction, matrix reconstruction, methods of component word analysis, etymologic analysis, semantic motivational reconstruction.

Чжу Цзинтао

Киевский национальный лингвистический университет

**ИСТОЧНИКИ МОТИВАЦИИ
СЕМАНТИКИ ПРЕДСКАЗАНИЯ/ПРОГНОЗА
В ПАРЕМИЙНЫХ ЗНАКАХ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ**

В статье рассматривается проблема изучения категории будущего как предсказания и прогноза в двух аспектах: философском и научном; отдельное внимание уделяется мифолого-религиозному контексту исследования сущности предсказания и прогноза, который позволил предположить, что источником мотивации предсказания являются суеверия человека, а прогноза – приметы окружающего мира.

Ключевые слова: семантика предсказания/прогноза, источники мотивации, суеверия, приметы.

Современная лингвoseмиотика развивается на основе тесных контактов со смежными сферами научного гуманитарного знания и, прежде всего, с линвокультурологией, когнитивной лингвокомпаративистикой, когнитивной ономазиологией, этнофразеологией и т.д., поскольку основным объектом изучения этих направлений также, как и первой, является языковой знак (И. Серякова и др.), но только рассматриваемый с разных точек зрения в каждой из названных дисциплин. При этом объединяющим фактором является проблема исследования механизмов мотивации языкового знака (Е. Березович), реконструкция первичного мотива (С. Толстая), положенного в основу внутренней и внешней формы единиц номинации, среди которых наиболее дискуссионными остаются те, что явились продуктами коллективного опыта, содержащими в своей семантике культурный компонент, религиозно-мифологические воззрения, фрагменты ритуального поведения, обрядово-культовые реликты (В. Жайворонок, О. Тищенко и др.), а главное, – способность человека к таким действиям, как предсказания, прогноз, предрассудки и т.д.

Обозначенные сферы, в которых жил и продолжает жить человек, послужили источниками *лингвокультурной мотивации языковых знаков*, актуализировавшей в семантической структуре наименований этих сфер образный и символический компоненты (М. Рут). Безусловно, это присуще фразеологическим номинациям, поскольку основой их мотивированности является внутренняя форма, которая рассматривается как обязательная образно-смысловая характеристика языкового знака. Именно при таком подходе главную роль выполняет *лингвокультурная мотивация* – психоментальная операция реконструкции образности фразеологизмов, в основе которой лежит лингвокультурная информация, закодированная в символике и семантике их компонентов [10, с. 43]. Широкий контекст символики и семантики компонентов фразеологизмов трансформирует эти единицы из двухкомпонентных словосочетаний в структуру предложения и, таким образом, позволяет рассматривать их как фразеологизмы пословичного типа, или паремийные единицы (Г. Пермяков).

Последние, как и собственно фразеологизмы, имеют достаточно глубокую традицию изучения, оставив при этом еще много не решенных вопросов, прежде всего, касающихся источников их символики, т.е. линвокультурной информации и мотивации.

Среди дискуссионных остается открытым и вопрос о группе паремийных единиц с символикой и семантикой прогноза/предсказания, которые рассматривались в разряде народных примет (К. Вагнер, М. Кулькова, Т. Погрібна, О. Тонкова), календарных паремий (Т. Агапкина, С. Ермоленко), пословиц с семантикой примет (Н. Маштакова), пословиц с прогностической функцией (С. Павлова) и т.д.

Общей проблематикой в этой дискуссии является определение их лингвокогнитивной природы, присущей, по словам Н. Маштаковой, этим ментальным единицам, являющимся теми структурами сознания носителей разных языков, которые отражают их способность предсказывать / прогнозировать события и явления окружающего мира, транслируя дальнейшим поколениям [16].

Обсуждая проблему лингвокогнитивной природы паремий с семантикой прогноза и предполагая, что ее суть как способности сознания носителей разных языков прогнозировать события и выражать их в таких языковых знаках, как паремии, следует поставить когнитивно-философско-лингвoseмиотический вопрос о том, одинаковыми или разными являются механизмы и процедуры способности этносов к формированию в сознании прогноза, а главное, языковые операции выражения этой способности. При этом возникает еще один вопрос, какие сферы окружающей действительности задействованы как источники лингвокультурной информации и

мотивации паремийных знаков?. В попытках найти оптимальное решение этих вопросов, хотя бы в виде предположения в правильности его решения, считаем целесообразным обратиться сначала к философскому, научному и мифологическому аспектам изучения проблемы будущего вообще и предсказания в плане прогнозирования, в частности.

Цель статьи – сформулировать онтологические принципы изучения лингвосемиотической природы паремий с семантикой прогноза с учетом западноевропейской и дальневосточной философской традиций рассмотрения связи языка и мышления, языка и сознания, языка и культуры.

В современном гуманитарном знании сформировались две позиции по поводу рассмотрения проблемы прогноза: собственно *научная*, или более конкретная, и *философская*, более абстрактная [1, с. 52].

Почему философский аспект в исследовании прогноза является абстрактным?, а потому, что, по утверждению И. А. Асеевой, “философское мышление более свободно, чем научное, оно не так жестко сковано строгими рамками научных критериев. Результат научного прогнозирования характеризуется понятиями “точность” и “полнота”, которые конкретизируют уровень совпадения полученного прогноза с будущей эмпирической реальностью. Научный прогноз, как известно, стремится выявить все возможные варианты развития событий, не претендуя часто на выделение наиболее вероятного. В философском же предвосхищении основная цель заключается в определении общей тенденции развития ситуации. Поэтому философ дополняет свой прогностический арсенал не только уже известным знанием, но и логикой, и здравым смыслом. Философское познание поэтому выходит на более глубокие уровни постижения самой сути проблемы” [1, с. 52], так как оно не обременено конкретикой.

Философское осмысление проблемы будущего, как считает Л. А. Микешина, “это либо дорефлексивный и даже довербальный уровень эмпирических знаний, “жизненного мира” – горизонт, предшествующий субъектно-объектным отношениям, либо надэмпирический, трансцендентальный уровень субъекта как “сознания вообще”, либо экзистенциальный уровень бытия субъекта” [17, с. 366]. Вместе с тем, пишет В. Н. Кочергин, философское познание будущего вполне рефлексивно, т.е. сознательно анализируется не только объект предвидения, но и процесс его изучения. Причем объект предвидения рассматривается во всей сложности его взаимосвязей с внешним миром, не исключая и процесс взаимодействия объекта с субъектом предвидения [11, с. 32–35].

По замечанию И. А. Асеевой, в отличие от научно-прогностических концепций, философский взгляд в будущее часто является выражением эмоционально-личностной позиции автора, не отделяющего свою жизнь от истории [1, с. 53].

Такой же взгляд на проблему прогнозирования в аспекте предсказания находим в работе Л. В. Ефремовой, которая утверждает, что “предсказание является одним из активно используемых способов речевого и психического воздействия на человека” [8, с. 4], т.е. выражает эмоционально-оценочную позицию автора предсказания или прогноза, который, по-нашему мнению, не обязательно может быть персонифицированным субъектом выражения прогноза, как в случае с паремийными текстами. Превентивность конструкций, содержащих предсказание, обусловлена тем, что в основе рассматриваемого вида волеизъявительных и *причинно-условно-следственных* (курсив наш) высказываний лежит желание адресанта (предсказывающего) оградить адресата от неблагоприятных последствий или

подсказать правильный путь [8, с. 4], или передать накопленный опыт последующим поколениям по поводу каких-то жизненных уроков или ситуаций.

Как писал в свое время Н. А. Бердяев, “Пророк всегда недоволен настоящим, обличает зло в окружающей действительности и ждёт в грядущем торжества высших духовных начал” [2].

В основе этих тезисов философа прослеживается *мифолого-религиозная сущность* предсказания или прогноза (эти два понятия в философском плане можно рассматривать как синонимические. Такое основание нам дает семантика слова *прогноз*, которое по происхождению восходит к греческому слову *prognosis* – предвидение – предсказание, первоначально обозначавшему “предсказание хода болезни”. Далее конкретное значение расширилось, и слово стало употребляться для обозначения вообще предсказания, суждения о состоянии какого-либо явления в будущем (прогноза погоды, исхода выборов и т.п.). В научном плане под прогнозом стали понимать вероятностное суждение о будущем на основе специальных научных исследований) как реликта первичного мифологического мышления человека.

Как отмечает Л. В. Ефремова, “пусть не в равных условиях, но рядом с научным знанием сосуществует мифологическое мышление, которое является непосредственным источником суеверий и предсказаний и позволяет по одному явлению, играющему в конкретном случае роль признака-сигнала, предвидеть другое явление” [8, с. 12].

В Мифологическом словаре [18, с. 634–635] находим подтверждение этим предположениям Л. В. Ефремовой: “феномен предсказания связан с тем, что некоторые особенности мифологического сознания могут сохраняться на протяжении истории в массовом сознании наряду с элементами философского и научного знания, одновременно с использованием строгой научной логики”. Очевидно, такие аргументы, объясняющие мифологическую и одновременно философскую и научную, а особенно логическую основу предсказаний, закодированных в паремийных единицах, позволили Г. Л. Пермякову разработать именно логико-семиотическую классификацию всех пословиц вообще, среди которых особенное внимание уделено логическим конструкциям с семантикой предсказания/прогноза [22, с. 5]. В синтаксической структуре этих знаков лежит логическая причинно-условно-следственная модель двучленности, которая предполагает наличие двух логико-семиотических частей: в первой изображается определённая моделируемая ситуация, во второй – следствия этой ситуации, которые наступят, если не следовать (или следовать, в случае положительного прогноза) рекомендациям адресанта: *Сей в ненастье, а собирай в ведро, Не суди, и не судим будешь*.

Субъективное восприятие мира у суеверного человека размывает окружающую действительность, стирает грань между реальностью и её отражением в мифологическом сознании. Реликты мифологического сознания закрепились в современном сознании как некий ориентир [8, с. 12]: *Гром ранней весной – к похолоданию; Много хватать – своё потерять; Чему быть, того не миновать*.

Термин “предсказание” Е. Е. Тонкова дифференцирует на основании двух понятий “примета” и “суеверие” [29, с. 3], выполняющих каждый свою функцию в связи с моделированием разных ситуаций. Так, ситуация гадания, спиритического сеанса отражает сценарий мифолого-магического ритуала и связана с суевериями как составляющей модели предсказания. А ситуация наблюдения над явлениями природы, над поведением животных, над астрономическими объектами и представленные результаты этих наблюдений отражены в модели примет как артефактов предсказания в значении прогноза, который интерпретируют “как основанный на рациональном,

философско-научном заключении о предстоящем развитии или исходе чего-либо” [21, с. 69].

Как пишет А. Ф. Оропай, предсказывающий “имеет в своём распоряжении реальные конкретные данные, связь которых с будущим событием может быть не очевидной для остальных людей, и владеет средствами их обработки, результатом чего и является сам прогноз” [19, с. 95]. Так проявляется суть предсказания и просматривается его взаимосвязь с побудительной семантикой.

Важной для понимания когнитивной природы приметы как артефакта прогноза кроме логико-рациональной сущности является её функция символического моделирования мира, когда денотаты обыденного круга обретают своё символическое значение в рамках предсказаний. Например, *Вёдренно в Ильин день (2 августа) – на следующий год хорош будет медосбор, Много вишен – к урожайному году.*

Говоря о мифолого-магической, логико-рациональной и символической природе предсказания/прогноза как суеверия и как приметы, интересно проследить, одинаков ли механизм моделирования этих ситуаций в сознании представителей европейских этносов и дальневосточной национально-культурной традиции, к примеру, у китайцев.

Как и у других народов мира, у китайцев существуют свои хорошие и “дурные” приметы и предзнаменования. Стремясь оградить себя от жизненных неудач, люди окружают себя предметами, которые, по поверью, приносят счастье, и стараются избегать всего, что может служить дурным предзнаменованием. Источниками линвокультурной информации и мотивации “хороших” или “дурных” примет являются слова и выражения, числа и предметы быта, явления природы, животный мир и т.д. Эти поверья до сих пор имеют символическое значение в некоторых правилах этикета и в артефактах народных ремесел. Знание такого рода примет необходимо для лучшего понимания традиционной китайской культуры. Так, например, у китайцев считается плохой приметой, если попавший в их круг иностранец вставляет палочки в плоску с рисом. Неважно, как – строго вертикально или под незначительным углом. Они сами это делают только на поминках – как у русских на стол ставят накрытую кусочком черного хлеба рюмку с водкой, веря, что душа умершего тоже присутствует на поминании.

Три основные религии Китая – даосизм, конфуцианство и буддизм – считаются, как правило, составными частями одной единой религии. Многие китайцы придерживаются одновременно всех трех религиозных учений, полагая, что чем больше религий исповедует человек, тем больше у него шансов прожить счастливую жизнь. И в этом плане особую роль, как и у европейцев, играют предсказания и прогнозы.

Предвестниками счастья, удачи, радостных событий у китайцев считаются пять сказочных животных: 五灵; 祥麟; 凤凰; 洛龟; 龙; 白虎, которые служат символами-мотиваторами (источниками линвокультурной информации) предсказания, содержащегося во многих паремийных единицах. Так, например, прогноз к неурожаю содержит такая китайская паремийная мудрость, связанная с прилетом феникса или приходом единорога: 凤凰麒麟不来, 嘉谷不生 – “феникс не прилетит, цилинь (единорог) не придёт – не родиться обильным хлебом”.

Вообще, источником китайской философии и мудрости, так называемого китаецентризма, являются, как уже выше было отмечено, основные этические учения: конфуцианство, даосизм и чань-буддизм, оказывающие до сих пор сильное влияние на жизнь современного китайца [27, с. 85].

На современном этапе модель позиционирования Китая в мировом культурном пространстве связана с распространением национального языка и культуры в разных странах. Одним из таких показательных фактов заинтересованности Китая в распространении национального языка и культуры за пределами страны является стремительное расширение сети Институтов Конфуция (центров изучения китайского языка и культуры). Государственная канцелярия по распространению китайского языка за рубежом (Ханьбань, Hanban, 国家汉办, г. Пекин, КНР) оказывает всестороннюю помощь зарубежным партнерам, поддерживающим развитие сети Институтов Конфуция.

Китай – это страна самых разных групп и постоянного общения. Это связано с особым, исторически сложившимся типом самооценки. Китаец воспринимает мир через восприятие групп. Если представитель западной цивилизации чаще всего для самооценки вступает во внутренний диалог и обычно соотносит свое поведение с христианскими предписаниями, то китаец соотносит себя с оценкой группы. То есть любой поступок рассматривается сквозь призму оценки родственниками, сослуживцами или руководством. Китаец оценивает свои качества через оценку этих качеств группой, и в этом плане сознание китайцев является группо-ориентированным, в отличие от эго-ориентированного сознания представителей западной цивилизации. Безусловно, разница в ориентированности сознания китайцев и, например, русских отражена и в способности прогноза будущего, представленного в паремийных фондах китайского и русского языков [14].

Подводя итог рассмотрения проблемы реконструкции источников мотивации семантики предсказания/прогноза в паремийных знаках русского и китайского языков, отметим, что природа этих категорий связана с культурой, традициями, мифологией, религией и др. факторами, являющимися основными мотиваторами формирования способности сознания носителей этих языков прогнозировать события, явления и т.д., выражая их преимущественно в семантике и форме паремийных единиц как наиболее оптимальных языковых знаков-фиксаторов национальных прогнозов.

Л и т е р а т у р а

1. *Асеева И. А.* Философская рефлексия будущего (на материале русской философии рубежа XIX–XX вв.) / И. А. Асеева // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 318. – С. 52–58.
2. *Бердяев Н. А.* Философия свободного духа / Николай Александрович Бердяев. – М.: Изд-во “Республика”, 1994. – 480 с.
3. *Березович Е.Л.* Язык и традиционная культура : этнолингвистические исследования / Елена Львовна Березович. – М.: “Индрик”, 2007. – 600 с. – (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования).
4. *Вагнер К. Р.* Семантика и синтаксис русских народных примет с компонентом “зооним”: в зеркале английских примет : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01, 10.02.20 / К. Р. Вагнер. – Казань, 2008 – 245 с.
5. *Введенская Л. А.* Китайские пословицы, поговорки / Л. А. Введенская. – Ростов-на-Дону : Ростовское книжное издательство, 1959. – 120 с.
6. *Донова О. В.* Фразеологизмы в системно-структурном и антропоцентрическом аспектах: на материале русского и китайского языков : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Олеся Владимировна Донова. – Бийск, 2011. – 282 с.
7. *Дьяконов И. М.* Архаические мифы Востока и Запада / И. М. Дьяконов. – М.: Наука, 1990. – 251 с.
8. *Ефремова Л. В.* Грамматические и функционально-семантические особенности предсказания (на материале русских пословиц) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Людмила Васильевна Ефремова. – М., 2015 – 182 с.

9. *Єрмоленко С. С.* Мовне моделювання дійсності і знакова структура мовних одиниць : [монографія] / Сергій Семенович Єрмоленко. – К. : Вид. дім Дмитра Бураго, 2006. – 384 с.
10. *Заваринська І. Ф.* Лінгвокультурна інформація фразеологізмів з онімним компонентом в англійській, польській та українській мовах : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.17 / Заваринська Ірина Федорівна. – Рівне, 2009. – 215 с.
11. *Кочергин А. Н.* Специфика и структура философского знания / А. Н. Кочергин // Структура философского знания. – Томск : Томск, ун-т, 1986. – 212 с.
12. *Кулькова М. А.* Когнитивно-смысловое пространство народной приметы : автореф. дисс. на соискание уч. степ. доктора филол. наук : 10.02.01, 10.02.20 / Мария Александровна Кулькова. – Казань, 2006. – 50 с.
13. *Маковский М. М.* Язык – миф – культура: Символы жизни и жизнь символов / М. М. Маковский. – М. : Изд-во “Русские словари”, 1996. – 330 с.
14. *Маслов А. А.* Китай: колокольца в пыли странствия мага и интеллектуала / А. А. Маслов. – М. : Алетея, 2005. – 367 с.
15. *Маслов А. А.* Наблюдая за китайцами. Скрытые правила поведения / А. А. Маслов. – М., 2010. – 109 с.
16. *Маштакова Н. В.* Національно-культурні особливості прислів'їв з семантикою прикмет у різноструктурних мовах : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.17 / Наталія Валентинівна Маштакова. – К., 2013. – 195 с.
17. *Микешина Л. А.* Философия познания. Полевические главы / Л. А. Микешина. – М. : Прогресс-Традиция, 2002. – 374 с.
18. *Мифологический словарь* / [гл. ред. Е. М. Мелетинский]. – М. : “Сов. энциклопедия”, 1990. – 672 с.
19. *Оропай А. Ф.* Утопия в аспекте модальности пророчества и прогноз / А. Ф. Оропай // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2011. – Вып. 127. – С. 94–100.
20. *Павлова Е. Г.* Опыт классификации народных примет / Е. Г. Павлова // Паремнологические исследования : [сб. ст.]. – М. : Наука, 1984. – 320 с. – С. 295–298.
21. *Пензенский А. А.* Нострадамус: миф или реальность / А. А. Пензенский. – М. : Эксмо, 2004. – 448 с.
22. *Пермяков Г. Л.* Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов / Григорий Львович Пермяков. – М. : Изд-во “Лабиринт”, 2001. – 624 с.
23. *Погрібна Т. А.* Семантика та прагматика назв чеських народних прикмет : лінгвокультурологічний підхід: автореф. дис. на здобуття наукового ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.03 “Слов'янські мови” / Т. А. Погрібна. – К, 2011. – 22 с.
24. *Русско-китайский словарь пословиц и поговорок* / Е. Фанлай. – Пекин : Шаньу иньшугуань, 2005. – 375 с.
25. *Рут М. Э.* Образная номинация в русской ономастике / Мария Эдуардовна Рут. – М. : Из-дво ЛКИ, 2008. – 192 с.
26. *Серякова І. І.* Соматикон англословних дискурсивних практик : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня докт. філол. наук : спец. 10.02.04 “Германські мови”, 10.02.15 “Загальне мовознавство” / І. І. Серякова. – К., 2012. – 34 с.
27. *Тань А.* Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность / Аошуан Тань. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 240 с.
28. *Толстая С. М.* Зеркало в традиционных славянских верованиях и обрядах / С. М. Толстая; [отв. ред. Н. И. Толстой] // Славянский и балканский фольклор: Верования. Текст. Ритуал. – М. : Наука, 1994. – С. 111–125.
29. *Тонкова Е. Е.* Народная примета с позиций лингвокогнитивистики и лингвокультурологии : дисс. ... канд. філол. наук : 10.02.01 / Елена Евгеньевна Тонкова. – Белгород, 2007. – 189 с.

Чжу Цзінтао. Джерела мотивації семантики передбачення/прогнозу в паремійних знаках російської і китайської мов.

У статті розглядається проблема вивчення категорії майбутнього як передбачення і прогнозу у двох аспектах: філософському й науковому; окрему увагу приділено міфолого-релігійному контексту дослідження сутності передбачення і прогнозу, який дав змогу припустити, що джерелом мотивації передбачення є забобони людини, а прогнозу – прикмети навколишнього світу.

Ключові слова: семантика передбачення/прогнозу, джерела мотивації, забобони, прикмети.

Zhu Jintao. Sources of Semantics of Prediction / Forecast Motivation in Proverbs Signs in the Russian and Chinese Languages.

The article deals with the study of the problem of future category as predictions and forecasts in two aspects: the philosophical and scientific ones. Special attention has been paid to myth and religious context in the study of the essence of foresight and forecast, which made it possible to assume that the source of motivation of the prediction is human superstitions and forecast are the omens of the environment.

Keywords: semantics of prediction / forecast, a source of motivation, superstitions, omens.

Швець А. І.

**Національний педагогічний університет
імені М. П. Драгоманова**

ПРЕДМЕТНО-НОМІНАТИВНА КЛАСИФІКАЦІЯ ОНІМІВ ТА МІСЦЕ В НІЙ ФОЛЬКЛОРНИХ ОНІМІВ

У статті розглянуто прагнення ономастів розробити оптимальну класифікацію онімів, наведено як найбільш коректну предметно-номінативну їх класифікацію, розроблену А. Суперанською; особливу увагу звернуто на такий розряд онімів, як фольклорні власні назви; проаналізовано фольклорні (зокрема казкові) оніми найменування як продукти міфологічної і художньої свідомості.

Ключові слова: власне ім'я, предметно-номінативна класифікація онімів, фольклорна ономастика, казковий онім.

Власні назви (оніми) є унікальними мовними знаками (К. О. Єлістратова, В. М. Калінкін, О. А. Карпенко, В. А. Кухаренко, Є. С. Отін, А. В. Суперанська та ін.), що засвідчує їхню білатеральну природу, тобто те, що вони мають і план вираження, і план змісту, які є важливими для ідентифікації носіями мови, а також у процесі його відтворення для адекватного сприйняття мовцями інших лінгвокультур (див. про це докладніше: Л. О. Белей, В. С. Виноградов, С. І. Влахов, Д. І. Єрмолович і С. Флорін та ін.). Саме дискусія навколо знакової природи онімів, їх семантики, яка триває в ономастиці й донині сприяла розробці різних класифікацій власних назв, що сягають ще античних часів, про що неодноразово зазначали різні дослідники, хто намагався вивчати цю проблему (Т. Гоббс, Г. Лейбніц, К. Лінней, Дж. С. Мілл).

Метою статті є аналіз предметно-номінативної класифікації онімів, розробленої А. В. Суперанською, та обґрунтування місця в ній фольклорних онімів.

Завдання:

- розглянути критерії систематизації онімів, запропоновані у предметно-номінативній класифікації А. Суперанської;
- проаналізувати джерела походження фольклорних онімів;
- розробити параметри для класифікації фольклорних онімів та визначити їх місце у наявних класифікаціях власних назв.

Об'єктом статті є різні погляди учених щодо класифікації онімів та поняття фольклорної ономастики.